

33 РАССКАЗА
О ЖУРНАЛИСТАХ

Денис СУХОРУКОВ

Денис Борисович Сухоруков
Тридцать три рассказа
о журналистах
Серия «33 рассказа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67975136

Тридцать три рассказа о журналистах:

ISBN 978-5-00125-637-3

Аннотация

Эта книга адресована всем людям, интересующимся историей России, прежде всего школьникам и их родителям. Герои сборника – выдающиеся российские журналисты, жившие в различные эпохи: с XIX века и до нашего времени.

Содержание

Предисловие	5
Александр Пушкин	7
Николай Некрасов	14
Василий Немирович-Данченко	24
Владимир Гиляровский	32
Алексей Толстой	40
Борис Всесвятский	48
Евгений Петров	56
Николай Озеров	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

**Денис Борисович
Сухоруков
Тридцать три рассказа
о журналистах**

© Сухоруков Д. Б., 2022

© Оформление. ООО «Реноме», 2022

Предисловие

Дорогие ребята!

Перед вами тридцать три рассказа о журналистах. Профессия эта необычна тем, что она редко бывает единственной у своего «носителя». Чаше журналист одновременно бывает и кем-то ещё, к примеру разведчиком, писателем, учёным, преподавателем.

Я не случайно начал с разведчиков. У представителей именно этой древней профессии много общего с журналистами: те и другие заняты сбором и анализом информации, причём делают это далеко не всегда открыто, иногда и тайно. И у тех, и у других имеется обычно своя «агентура», свои источники, которые они тщательно скрывают от посторонних глаз. Но только разведчик передаёт собранные данные своему правительству, а журналист – в редакцию.

С писателями тоже есть сходство: как журналист, так и писатель рассказывают людям только о том, что их волнует, о чём болит душа. Правда, делают они это по-разному и с разной скоростью. У писателя на написание романа уходят годы (иногда десятилетия), журналисту же на написание текста отводятся считанные часы, а то и минуты.

Что касается учёного, то тут единства, казалось бы, меньше всего. Журналист – это часто человек с поверхностными, неглубокими знаниями предмета. Он не может посвя-

тить свою жизнь изучению какой-нибудь одной бабочки, как учёный-энтомолог. Ему подавай сразу всех бабочек, слонов, китов, пингвинов, а заодно и вирусы с бактериями, грибы и лишайники. Он знает чуть-чуть обо всём. Однако журналист обязан быть очень образованным, знать много, учиться всю жизнь, проявлять повышенное любопытство и стремиться достичь истины. И в этом он, согласитесь, похож на настоящего учёного.

Журналисты – возможно, и не мозг человеческого общества, но определённо его глаза и уши. Без журналистов мы знали бы о людях и событиях вокруг нас гораздо меньше. Мы были бы, образно выражаясь, как слепые ягнята. И никакие социальные сети никогда не смогут до конца заменить журналистику, потому что журналисты несут ответственность перед обществом, они обязаны говорить людям правду и только правду.

А потому журналист – важная профессия. Цените журналистов, особенно правдивых и честных! О некоторых из них вы прочтаете на страницах этой книги.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш автор

**Александр Пушкин
(1799–1837)
«Мой первый друг,
мой друг бесценный...»**

1825 год, Санкт-Петербург

После выпуска из Лицея молодой Александр Сергеевич Пушкин поступил на службу в Коллегию иностранных дел. Он продолжал дружить и встречаться со своими лицейскими товарищами. Одним из них был Кюхельбекер по прозвищу Кюхля. Друзья то веселились вместе, то ссорились. Однажды дело даже дошло до серьёзной обиды. Виноват был Пушкин: он сочинил ядовитую эпиграмму на Кюхлю, в которой намекалось на обжорство последнего.

Стихи дошли до Кюхельбекера. Что тут началось!

– К барьеру! – закричал он Пушкину. – На дуэль!

Александр Сергеевич был молод и горяч, да и просить прощения ему очень уж не хотелось. Он принял вызов.

Ранним утром, чтобы не мешать своей стрельбой петербуржцам, они встретились в тихом месте – на кладбище на Волковом поле. Каждый захватил с собой не только пистолет, но и секунданта, то есть доверенное лицо, помощника. Секундантом Кюхельбекера был Дельвиг, тоже друг поэта.

Как только Кюхля – а он отличался очень слабым зрением – поднял пистолет и начал целиться, водя ствол туда-сюда в поисках жертвы, Пушкин громко заявил:

– Дельвиг! Стань на моё место, здесь безопаснее¹.

Глаза Кюхельбекера затуманились слезами, он в ярости затрясся и прострелил... фуражку Дельвига.

– Послушай, товарищ, – примирительно обратился к нему

¹ Басина М. На берегах Невы. Л.: Детская литература, 1976. С. 51.

Пушкин, – говорю тебе без лести: ты стоишь дружбы без эпитафии, но пороку не стоишь.

Он бросил свой пистолет, и друзья помирились.

Вот таким был Пушкин – храбрым, но великодушным. Ведь он вполне мог воспользоваться своим правом на выстрел, но не сделал этого. Это и называется благородством.

Таким же благородством Александр Сергеевич отличался не только на дуэлях, но и во всех других делах. А одним из важных для поэта дел было издание журнала «Современник». Такой труд требует от издателя многих благородных качеств: нужно уметь видеть талант не только у себя, но и у других, ценить товарищей по цеху, не завидовать, но радоваться чужому успеху.

В 1836 году, незадолго до смерти, Пушкин добился права издавать свой собственный журнал. По условиям цензуры это было чисто литературное издание. Поэту не разрешили издавать политический журнал, а тем более газету, хотя он стремился к этому. Журналистика не была для Пушкина чем-то новым. Ранее он уже публиковался в «Литературной газете» у Дельвига и даже сам редактировал несколько выпусков этой газеты. Также Пушкин писал статьи для журнала «Телескоп», который издавал профессор Московского университета Надеждин.

Надо сказать, что журналы в России очень сильно отличались от современных им изданий в Европе. Российские издатели в отличие от европейских не делали ставку на получение

ние прибыли, а часто стремились к просвещению общества, хотели донести до образованных людей самые новые литературные произведения, обсудить с читателями наболевшие общественные проблемы. Как, например, крепостное право. Или взятки чиновников. Или внешнюю политику, как присоединение Кавказа к России.

Изначально пушкинский журнал «Современник» выходил четыре раза в год, чаще не было возможности. Чтобы усыпить бдительность цензуры, проблемы общества маскировались в журнале иносказаниями и намёками. «Современник» не приносил своему издателю денег, он не был успешным с коммерческой точки зрения. У журнала набралось всего около 600 подписчиков, зато с авторами проблем не было. В журнале печатались Николай Гоголь, прославившийся к тому времени своими «Вечерами на хуторе близ Диканьки», основоположник русского романтизма Василий Жуковский, историк и государственный деятель Александр Тургенев, поэты Евгений Боратынский, Николай Языков, Алексей Кольцов и другие замечательные литераторы. Александр Сергеевич открыл всему читающему миру и поэта Фёдора Тютчева – именно на страницах «Современника» впервые были опубликованы 24 тютчевских стихотворения.

Однако денег для уплаты гонораров авторам не хватало, и два последних издания журнала Пушкину более чем наполовину пришлось заполнить своими произведениями. В этих выпусках свет увидели «Пир Петра I» и «Скупой рыцарь»,

«Капитанская дочка» и «Рославлев», «Из А. Шенье», «Путешествие в Арзрум», «Родословная моего героя», «Сапожник» и «Джон Теннер».

Александр Сергеевич заложил основы такого журналистского жанра, как очерк. Это очень интересный жанр, который не встречался в европейской журналистике. В очерке искусно переплетались вымысел и строгие факты из документов или из собственных наблюдений журналиста. Больше всего публика любила портретные очерки (описание жизни известного человека), путевые очерки (художественный отчёт о путешествии) и научно-популярные очерки. Блестящий пример смешанного портретно-путевого очерка – это пушкинское «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». Очерк требовал от автора тончайшего журналистского мастерства.

Вот как в своём очерке Пушкин описывает знаменитого генерала Ермолова, покорителя Кавказа: «Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностию. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен...»² Пушкин всего несколькими штрихами

² Пушкин А. С. Сочинения в трёх томах. М.: Художественная литература, 1986. Т. 3. С. 372.

набросал портрет человека, и вот он уже стоит перед нами, как живой...

А вот как в жанре научно-популярного очерка Александр Сергеевич описывал американскую политику на страницах своего журнала: «С изумлением увидели демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество... такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами»³.

Ранняя смерть Александра Сергеевича оборвала его блестящую литературную работу, и журналистскую тоже. Трагизм заключался в том, что погиб гений, и не было на тот момент в России человека, который по уму и таланту мог бы встать вровень с Пушкиным или хотя бы приблизиться к нему. Некому было его заменить. Журнал «Современник» быстро пришёл в упадок.

Однажды в зрелом уже возрасте Пушкин написал грустное стихотворение и посвятил его своему лицейскому другу Пушину. Оно было написано на расставание, потому что Пушин отправлялся в Сибирь, в ссылку, как участник заговора декабристов. Оба понимали, что скорее всего не увидятся больше.

Трогательное стихотворение начинается словами «Мой

³ Пушкин А. С. Джон Теннер // Современник. 1836. Кн. III. С. 205–256.

первый друг, мой друг бесценный...»

Для нас сегодняшних и сам Пушкин тоже в некотором смысле – первый друг. Мы знакомимся с ним очень рано, в детском саду или даже раньше, ещё до того, как начинаем понимать окружающий нас мир. Потом мы приходим к нему в школе, изучаем уже более глубоко, затем возвращаемся к нему снова и снова на протяжении всей жизни. И так вместе с Пушкиным вырастает поколение за поколением. Он нам и опора, и помощь, и советчик в трудные времена. Он наш первый друг, и он друг бесценный.

Николай Некрасов
(1821–1877)

«В кармане моём миллион...»

1839 год, осень, Санкт-Петербург

Холодным, промозглым вечером по улицам Петербурга бредёт юноша лет семнадцати. Волосы на голове его мокрые от дождя, на сутулых, худых плечах висит дырявая шинелишка, на ногах болтаются такие же панталоны. В сущности, он разгуливает в нижнем белье. И это всё после тяжёлого гриппа, от которого только-только оправился. Дело в том, что он снимал квартиру, но не мог больше платить за жильё, и хозяин прогнал его, а все вещи, включая одежду, оставил себе в счёт непогашенного долга. Сколько молодой человек ни кричал, ни ругался, но ничего поделатать не мог. И вот поплёлся он куда глаза глядят, а когда силы совсем оставили его, сел на лестнице у одного магазина, закрыл лицо руками и горько заплакал.

Мимо проходит нищий старик с мальчиком.

– Подайте Христа ради, – привычно затягивает мальчик, обращаясь к молодому человеку в панталонах.

– Что ты? – одёргивает мальчугана старик. – Не видишь разве, он сам нищий и больной, до утра не доживёт.

После чего старик обращается к молодому человеку:

– Чего ты тут расселся?

– Ничего, – отвечает тот.

– Ишь ты, гордый! – понимает старик. – Ладно, пойдём с нами.

– Не пойду, оставьте меня.

– Ну, не ломайся. Окоченеешь ведь от холода. Пойдём, не

бойся, мы не обидим.

Старик с мальчиком приводят своего нового знакомого в большую квартиру, полную нищих, стариков и детей. Его кладут спать. И даже подушку под голову дают. Он засыпает так крепко и хорошо, как давно уже не спал. А наутро, проснувшись, чувствует в себе силы.

Молодой человек ищет работу то там, то здесь, пишет под заказ стихи за копейку, денег почти не получает, но зато заводит знакомства среди приличных людей. К ним и приходит просить поесть. Выглядит он по-прежнему жалко, одет всегда плохо. Шею завязывает красным вязаным шарфом, очень рваным. Одна из дам, угощавших его обедом, как-то спросила:

– Зачем вы такой рваный шарф одели?

Он бросает на неё сердитый взгляд и резко отвечает:

– Этот шарф вязала моя мать⁴.

Потом пройдут годы. Молодой человек повзрослеет и, вспоминая прошлое, напишет такие стихи о самом себе:

Огни зажигались вечерние,
Выл ветер, и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,

⁴ Скатов Н. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 55.

На плечах шубёнка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни имени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моём миллион.

Всё это чистая правда о Николае Алексеевиче Некрасове, одном из лучших русских поэтов и журналистов. Бывший нищий, беднее нищего, со временем стал миллионером. Фантастически удачливый предприниматель, которому деньги сами шли в руки, один из самых профессиональных журналистов и, вероятно, самый популярный человек в Петербурге своего времени – это Некрасов. Чувствительнейший из людей, поэт, вечно страдающий от своего богатства, с мучительным чувством невыполненного долга перед народом – и это Некрасов. Всю свою жизнь он помогал простым людям и мучился от того, что помогал слишком мало.

А ещё он писал замечательные стихи о родной стране и о тяжёлой судьбе простого человека, которую знал не понаслышке. Многие из них вошли в сокровищницу русской поэзии. Вот, например:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,

Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

Но давайте сейчас на минуту забудем о том, что Некрасов был поэтом, и займёмся им как журналистом. Дело в том, что Николай Алексеевич создал легендарный журнал «Современник», который почти тридцать лет издавал всё лучшее, что писалось в те годы на русском языке (да и не только на русском). Он рассказывал людям о городе и о стране, в которой они живут, он заставлял своих читателей думать, ставил перед ними самые острые вопросы и помогал находить на них ответы. Он находил, поддерживал и продвигал молодых начинающих авторов, многие из которых сами стали потом гордостью русской литературы.

Вот как это происходило.

Новый журнал открыть было в те времена очень трудно, почти невозможно, так как это требовало личного разрешения государя императора, а тот всем желающим отказывал циничными словами «И без того журналов много». Дело в том, что Николай I и сам читать не любил, и другим не советовал. Поэтому пришлось купить уже существующий журнал «Современник». Его когда-то издавал сам А. С. Пушкин, а после его смерти им занялся один из друзей поэта. Правда, изрядно запустил и превратил в издание скучное и бесцветное, почти без подписчиков.

Николай Алексеевич энергично взялся за дело. Первым делом он раздобыл денег, журнал во все времена был предприятием очень затратным. Своих капиталов у Некрасова в

то время ещё не было. Из необходимых пятидесяти тысяч рублей половину он взял у друга Ивана Ивановича Панаева, с типографией и бумажной фабрикой договорился о выгодном кредите.

Во-вторых, Некрасов быстро понял, что реклама – двигатель прогресса. В северной столице повсюду расклеили огромные рекламные афиши – «Современник»! Во всех журналах и газетах печатали рекламные объявления – подписывайтесь на «Современник», читайте «Современник».

В-третьих, Николай Алексеевич привлёк к работе в журнале самых талантливых авторов своего времени: Гончарова, Толстого, Тургенева, Писемского, Белинского. Печатал и свои собственные стихи. Впервые открыл для публики молодого Достоевского. Печатал постоянные переводы из лучших образцов иностранной литературы: Жорж Санд, Гёте, Байрон, Диккенс, Теккерей⁵.

Кроме того, Некрасов умело соблазнял читателей «бонусами», а именно бесплатными приложениями. К первому номеру журнала, например, прилагалась повесть Герцена «Кто виноват?».

Всё это подействовало наилучшим образом: количество подписчиков росло, как на дрожжах, доходы нарастали с той же скоростью.

Журнал жил в обстановке жёсткой царской цензуры. Так называемые цензоры – специальные государственные чинов-

⁵ Скотов Н. Некрасов. С. 115.

ники – внимательно прочитывали все материалы до того, как они попадали в печать. Если им что-то не нравилось (например, если им казалось, что автор ругает власти), они имели право вырезать часть текста или запретить его целиком. В самом крайнем случае они могли даже закрыть весь журнал. Именно это и случится с некрасовским «Современником» в 1866 году. Но не будем забегать вперёд.

Николай Алексеевич Некрасов очень ловко работал с цензорами. Он не ругался с ними, не вставал в позу обиженного, а... постоянно приглашал к себе на званые обеды и ужины. Цензоры любили вкусно покушать, а многие из них ещё и выпить, и Некрасов их слабостями умело пользовался. Его столы ломились от яств и напитков. И конечно, сытый цензор был гораздо «добрее» голодного. Не брезговал Николай Алексеевич и взятками. Сохранились сведения о том, что отдельные государственные чиновники отдыхали за границей за его счёт. И, конечно, потом становились более покладистыми, чего он – собственно говоря – и добивался.

Но не следует думать, что Некрасов занимался только финансами и «укрощением» цензоров. Он тащил на себе весь журнал: искал новых авторов, читал и правил все рукописи (иногда по много раз), следил не только за соблюдением правил грамматики, но и за логикой в тексте. В этом и заключается тяжёлый и однообразный труд редактора.

Николай Некрасов одним из первых в журналистике открыл жанр эмоциональной публицистики – репортаж. Он по-

местил в журнале рассказ рядового солдата «Восемь месяцев в плену у французов». Материал начинался словами: «Автор – лицо новое: это армейский солдат, уроженец Владимирской губернии, города Шуи, Татарский». Конечно, журнал все читали с удовольствием, а его издателя ценили и уважали.

Вот каким был Николай Алексеевич Некрасов.

Василий Немирович-Данченко
(1845–1936)
Герой Шипки

Декабрь 1877 года, перевал Шипка, Болгария

«Здесь, на скатах гор, да и на их вершинах, постоянный туман... Сырость ложится на земляную кровлю и просачивается в землянку, так что, спите ли вы, обедаете, читаете, пишете – в лицо, в тарелку, на книгу... одна за другой падают крупные капли. Весь здесь сидишь мокрый: ложишься на мокрый тюфяк, накрываешься мокрым одеялом, пишешь на мокрой бумаге и это – зимой!»⁶

«Начиная от генерала и кончая последним кашеваром, всем здесь приходилось очень скверно. Уже шестой месяц – в царстве выюг и морозов, на негостеприимных высотах... Ночи и дни, дни и ночи. Недели проходили за неделями, месяцы – за месяцами, а конца сидению, казалось, и не предвидится. Как кроты, люди зарывались в землю. Днем не видели света Божьего, а ночью им только светили кроткие южные звезды...»⁷

«От продолжительного сидения в сырых местах ранее морозов уже здесь начали повторяться частые случаи отмораживания. Вымокнут солдаты и к костру греться, а потом доктора удивляются, что последствия одинаковые с отмораживанием. Когда здесь пошли первые снега, полушубков, теплых чулок и фуфаяек не оказалось. Солдаты за-

⁶ *Немирович-Данченко В. И. Год войны. Дневники русского корреспондента. СПб., 1878–1879.*

⁷ Там же.

кутывали головы и шеи в башлыки и сверх платья накидывали палатки, как женские ротонды.

Очень некрасив по наружности солдат был в это время. Палатка на нем стояла коробом, шинель на морозе деревенела. Мне, смеясь, рассказывали солдаты, что они точно в “карналине шуришали по земле”. Ноги закутывали тоже особенным образом. От сухарей оставались мешки. Каждую ногу с сапогом, уже надетым, – в мешок. Сверху подвязывали бечевками. Сверх того, от битого скота оставались шкуры. В эти шкуры шерстью вверх завертывали уже обутую таким образом ступню. В общем, что-то вроде самоеда или лапландца зимою, зато тепло...»⁸

Так писал известный журналист Василий Иванович Немирович-Данченко о Русско-турецкой войне на Балканах. Дело происходило в самом сердце Болгарии, на горном перевале Шипка. Этот перевал стал важнейшим стратегическим пунктом, не единожды он переходил из рук в руки в штыковых атаках. Какая же сила заставила русскую армию терпеть лишения и проливать кровь вдали от дома, в чужой стране?

Дело в том, что вот уже почти пятьсот лет православные народы Балканского полуострова – болгары, румыны, сербы, черногорцы, македонцы и другие – страдали под гнётом Турции. Турки заставляли их насильно принимать ислам и вообще любили применять силу по отношению к мирному насе-

⁸ Там же.

лению, иногда в самых зверских формах. И вот наши балканские братья начали проявлять недовольство. Все они, от стариков до детей, надеялись на вмешательство России и русского царя. И это случилось. Россия, будучи православным государством, не смогла оставаться в стороне. Многие физически крепкие мужчины – и крестьяне, и дворяне – записывались в русскую армию, чтобы помочь разбить турок. Освобождение православных братьев и сестёр стало национальной идеей. 24 апреля (12 апреля по старому стилю) 1877 года Россия официально объявила войну Турции.

Василий Иванович Немирович-Данченко перешёл границу в строю русских войск, он был военным корреспондентом сначала газеты «Наш век», потом «Нового времени». Но в отличие от многих других журналистов он писал свои заметки не в тылу и даже не в штабе, где относительно безопасно, а на переднем крае – под свист пуль и разрывы снарядов горной артиллерии.

Кстати, именно война с турками 1877–1878 годов дала рождение российской военной журналистике. Ранее, в Крымскую войну и тем более в Отечественную войну 1812 года военных корреспондентов не существовало.

Как и полагается честному журналисту, Василий Иванович не восхвалял войну, а показывал всю её неприглядную изнанку: смерть, раны, грязь, голод и холод, порой голово-тупство генералов. Для него война – это не только солдатский подвиг, хотя о нём он тоже много писал, но ещё и грязь

ная, смертельно опасная и неблагодарная работа. «Страшно отрезвляет война, когда её видишь лицом к лицу»⁹, – так размышлял Немирович-Данченко.

Военная журналистика того времени была не совсем похожа на современную.

Военные корреспонденты носили на рукаве трёхцветную (чёрный, жёлтый, белый – цвета государственного флага России того времени) шёлковую повязку. На ней был изображён гербовый орёл, вокруг которого полукругом помещалась надпись «корреспондент». Под надписью был золотой нитью вышит номер корреспондента. С внешней и с внутренней сторон повязки должна была стоять печать Полевого штаба или Полевого комендантского управления армии. Без этих знаков отличия корреспондент не допускался на боевые позиции. Правами корреспондентов пользовались и художники, бывшие чем-то вроде нынешних фотокорреспондентов.

Кстати, о художниках: великий русский живописец Василий Васильевич Верещагин тоже участвовал в походе, причём в первых рядах. В местечке Шипка-Шейново 28 декабря 1877 года «Скобелев повёл войска на штурм, – вспоминал Немирович-Данченко, – несколько редутов взяли штыками... Кругом люди падали как мухи... и посреди этого ада Верещагин, сидя на своей складной табуретке, набрасывал в походный альбом общую картину атаки... Много истинного

⁹ Немирович-Данченко В. И. Год войны. Т. 1. С. 317.

мужества и спокойствия нужно было для этого!»¹⁰

Но вернёмся к военным корреспондентам.

Свобода передвижения корреспондентов в армии не ограничивалась, но они были обязаны сообщать о каждом перемещении в штаб армии. Свободно перемещались не только русские, но и иностранные журналисты, которых тоже было немало. Случалось, что некоторые из них изъявляли желание бить турок вместе с русскими солдатами и иногда даже получали награды за боевые заслуги. Другие смотрели на сражения равнодушно.

Официальной цензуры не было, но военные не имели права сообщать журналистам численность и направления движения русских войск. Особенно это касалось иностранных корреспондентов, которые вполне могли оказаться шпионами. Отличались корреспонденты таких недружественных России газет, как например, “Standard”, “Neue Freie Presse”, “Kölnische Zeitung”, которые порой умудрялись публиковать секретные сведения. Вероятно, отдельные иностранцы умело использовали денежные взятки. Также существовал другой путь получения информации: немецкие журналисты обращались за помощью к русским офицерам немецкой национальности, такие тоже имелись в русской армии.

При этом российские журналисты, находившиеся на передовой, могли не получать важной информации из штаба

¹⁰ Василий Васильевич Верещагин. Художник-воин / под ред. Л. Х. Маликова. Череповец, 2020. С. 36.

армии. Доходило до смешного: сведения о мирных переговорах в Адрианополе и Сан-Стефано российское общество получало из английских газет “Times” и “Daily News”, тогда как на месте событий находились русские журналисты В. И. Немирович-Данченко, А. Д. Иванов, князь Л. В. Шаховской и другие, которые в ход переговоров не посвящались.

У каждого военного корреспондента постепенно выработался свой стиль. Почти с начала войны в действующей армии стал издаваться «Летучий листок» – своего рода информационно-пропагандистское издание для поднятия боевого духа войск. Идея его выпуска принадлежала известному российскому писателю В. В. Крестовскому. Он состоял при штабе официальным, проправительственным корреспондентом. На передовую он выезжал редко, поэтому писал больше о штабных офицерах и их занятиях, то есть о том, что он сам видел.

Военные заметки Василия Ивановича Немировича Данченко отличались какой-то особой человечностью. Чувствуется, что их писал журналист с живым, тёплым сердцем, не ожесточённый войной. Не ненависть, а любовь водила его рукой, когда он писал.

Вот, послушайте:

«Вижу... нашего солдата. Идёт с ружьём и крихтит. У него шинель на груди оттопырилась.

– Куда ты?

– В Габрово.

– С чем это?

– А вот несу.

Отворачивает шинель – крошка, месяцев десяти – одиннадцати. Пригрело её на груди у него, и заснула бедная.

– Чем же ты её кормишь?

– А разжую сухарь и положу ей в рот – есть.

Оказывается, донёс до Габрова за восемнадцать вёрст и сдал в Красный Крест»¹¹.

За участие в Русско-турецкой войне Василий Иванович был награждён знаком отличия военного ордена Святого Георгия. Позже он принял участие в качестве военного журналиста и в Русско-японской войне 1904–1905 годов, и в Первой Балканской войне 1912–1913.

После революции он эмигрировал и жил в Праге, продолжая сотрудничать в газетах и писать романы.

За свою жизнь Василий Немирович-Данченко опубликовал более шестидесяти томов сочинений, а его кавказские очерки были отмечены даже самим Львом Толстым.

¹¹ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны. Т. 2. С. 170.

Владимир Гиляровский
(1855–1935)

Дядя Гиляй – король репортёров

1897 год, Белград, Сербия

Удивительно чарующий вид открывается вниз с горы, со стен старинной крепости Калемегдан в центре Белграда. Прямо перед вами сливаются в один поток широкие реки Дунай и Савва. А за ними до горизонта простираются яблоневые сады, виноградники, поля, между которыми приоткрылись аккуратные домики с красными черепичными крышами. Красота поразительная! Вот именно здесь, в столице Сербии только что завершились спортивные соревнования Всеславянского общества на звание самого сильного гимнаста. На вершине пьедестала широкоплечий мужчина, коротко стриженный, со свисающими вниз усами, похожий на запорожского казака. Ему надевают на шею большую золотую медаль, он смущённо кланяется. Благодарит по-русски. Это и не удивительно, ведь он – русский гимнаст и... журналист.

Долгая жизнь величайшего русского журналиста Владимира Гиляровского, известного также как дядя Гиляй, – это цепочка безумных и опасных приключений.

Начнём с фамилии героя. Она искусственно выдумана церковным дьячком, который взял и перевёл с латыни на русский слово «весёлый». Получилось “hilaris”, отсюда и Гиляровский.

Первым в его жизни воспитателем стал бывший матрос, человек необычайной физической силы. Моряк учил сво-

его подопечного лазить по деревьям, обучал плаванию, гимнастике и не только. В молодости этот субъект сбежал с военного корабля, переплыл пролив, скрывался от властей, долго жил под чужим именем в Японии и Китае, где обучился местным языкам и борьбе дзю-джитсу, а потом передал все свои умения юному Владимиру Гиляровскому. Не удивляйтесь, что потом никто и никогда не мог справиться с могучим дядей Гиляем.

Родной для Гиляровского город Вологда во времена его юности был переполнен ссыльными революционерами под надзором полиции, многие из которых были людьми необыкновенного дарования в разных областях. Например, одна из революционерок увлеклась в ссылке производством сливочного масла, которое стало известно потом на всю Россию под названием «вологодского». Они подтягивали местных, заставляли их заниматься своим образованием. Среди тех, кто следил за ссыльными, тоже встречались более чем яркие личности.

Вот как Гиляровский описывает вологодского полицмейстера Суворова: «Как-то февральской выюжной ночью, при переезде через реку Вологду, в его сани вскочил волк (они стаями бегали по реке и по окраинам). Лихой охотник, он принял ловкой хваткой волка за уши, навалился на него, приехал с ним на двор театра, где сострунил его, поручил полицейским караулить и, как ни в чем не бывало, звякнул шпорами в зрительном зале и занял свое обычное кресло в пер-

вом ряду. Попал он к четвертому акту "Гамлета". В последнем антракте публика, узнав о волке, надела шубы, устремилась на двор смотреть на это диво и уж в театр не возвращалась – последний акт смотрел только один Суворов в пустом театре»¹².

Среди таких «звёздных» личностей поневоле сам станешь необычным – и Гиляровский стал. Он бежал из благополучного дома, от отца, которого любил и уважал, с единственной целью – обрести независимость. Он подался на Волгу в бурлаки, таскал тяжёлые баржи с грузом и разгружал их как грузчик. Началась эпидемия холеры – смертельно опасной болезни, по сравнению с которой ковид-19 не более, чем детский насморк. Бурлаки и другие социально неустроенные граждане заболели первыми, но Гиляровский не испугался. Он остался в бурлаках: спокойная, размеренная жизнь была ему противопоказана. Без паспорта и почти без денег он странствовал по всей огромной стране, полагаясь только на свою смекалку и физическую силу.

Его можно было обнаружить то табунщиком в южных степях, объезжающим диких скакунов, то рабочим на фабрике, то гимнастом в цирке, то профессиональным пожарным (одним из тех, кто расталкивая других первым лезет в пекло), то актёром бродячего драматического театра, то пластуном¹³

¹² Гиляровский В. А. Мои скитания. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1987. С. 36.

¹³ Пластун – это казак, который с ножом в зубах подкрадывается к вражескому

на войне с Турцией.

Он владел французским языком, мог импровизировать в стихах, мастерски втираться в доверие к полицмейстерам и генерал-губернаторам, изысканно общаться с дамами высшего общества и умел им нравиться, но всё же его неудержимо тянуло в низ общества – к обездоленным, безработным, голодным и нищим. Там, у людей грубых и простых, он находил что-то важное для души и ума, чего не мог отыскать у благородных. Он водил дружбу с уголовными преступниками – был своим в многочисленных воровских притонах Хитровки (этот милый московский райончик сто лет назад находился там, где сейчас станция метро Сухаревская), не брезговал никем и ничем. В то же время с самого социального дна он умел подниматься и в небо: тянулся к искусству, театру и литературе, стал близким другом Антона Чехова, Льва Толстого, Максима Горького, Ильи Репина и других великих людей. Чехов обожал его и называл не иначе, как дядей Гиляем, а Репину он с удовольствием позировал, как тот работал над своими «Запорожскими казаками...».

Гиляровский обладал зоркостью орла, «сканировал» любого человека с первого взгляда, обладал актёрским мастерством и очень лёгким стилем – читать его сплошное удовольствие. Прочтите такие его шедевры, как «Мои скитания» или «Москва и москвичи».

часовому, притаскивает «языков», словом, выполняет самую опасную и грязную военную работу.

Яркий человечище дядя Гиляй ворвался в журналистику, как вихрь, и сразу был признан «королём репортёров». Он трудился в «Русской газете», «Московском листке», «Будильнике», «Осколках», «Развлечении», позднее в «России», «Русском слове», «Русских ведомостях». Первоначально на нём лежала обязанность вести хронику происшествий, он должен был не пропустить ни одного разбоя, убийства, пожара или крушения поезда. Обгоняя извозчиков, он носился вихрем по Москве и по всей России, ко всему приглядывался и прислушивался, со всеми общался, узнавал все новости раньше всех. Но Гиляровский не ограничивался простым репортажем, он старался дать оценку явлению и изобличить социальное зло.

В 1882 году «Московский листок» напечатал его корреспонденции из Орехово-Зуева о пожаре на фабрике Морозовых, во время которого пострадали сотни рабочих и членов их семей. Хозяева и полиция тщательно скрывали причины происшествия, но Гиляровский, переодевшись в рваный пиджачишко, в стоптанные сапоги, проник на фабрику, под видом рабочего толкался в очередях по найму, в пивных и трактирах и выяснил истинную причину трагедии – отсутствие элементарных жилищных условий в рабочих казармах. Его статья в «Московском листке» об этих событиях вызвала брожение среди рабочих. Перепуганные фабриканты жаловались на газету генерал-губернатору. Тот приказал арестовать автора, и издателю стоило больших усилий скрыть имя

журналиста, наделавшего столько шуму.

Гиляровский – единственный газетчик, который попал в самый эпицентр Ходынской катастрофы 1896 года – страшной давки, унёсшей тысячи жизней в день коронации Николая II – это на том самом месте, где сейчас располагается торговый центр «Авиапарк». Гиляровский много часов простоял в толчее, сдерживая могучими руками натиск толпы, и подробно описал это событие в новостной заметке.

Вернёмся же теперь снова в Белград, с которого мы начинали. В 1897 году Гиляровский выиграл там большую золотую медаль на состязании сильнейших гимнастов всех славянских стран. Спустя два года он опять отправился туда же, на этот раз с редакционным заданием от газеты «Россия» – до зарезу нужна была сенсация. Но ситуация за это время изменилась – в ту пору Сербия попала под власть диктатора, который арестовал всех политических противников и готовился тайно казнить их, но так, чтобы за границей ничего не узнали об этом варварстве. В городе Белграде царили страх и растерянность. Люди боялись выходить на улицу, повсюду сновали агенты тайной полиции.

Тогда Владимир Гиляровский отправил телеграмму в свою редакцию следующего содержания: «Лучшие люди Сербии арестованы, ожидают казни, если не будет вмешательства...» Телеграмму перехватила тайная полиция, а самого Владимира Гиляровского попытались арестовать, но он в последний момент скрылся при помощи двух верных дру-

зей-гимнастов. И всё же его с друзьями непременно схватили бы и заставили замолчать навсегда, если бы не счастливый случай: он забыл в отеле свою табакерку, подарок отца, и вернулся за ней. Пока он бегал за табакеркой, как раз прошёл патруль. Гиляровскому с большим риском для жизни удалось пересечь границу и повторно отправить в редакцию газеты телеграмму с описанием всего, что он видел. Эффект от его телеграммы был велик: её прочитали в России, в Министерстве иностранных дел, подняли шум, диктатор Сербии испугался, бежал из страны – и все приговорённые люди были спасены, а простой народ вздохнул с облегчением. Вот как журналист может повлиять на ход истории!

Уже на закате жизни, в возрасте семидесяти пяти лет, дядя Гиляй вспоминал:

«Бродяжная жизнь, полная самых отчаянных приключений, и война турецкая – выработали все необходимые качества для репортёра. Я не знал усталости, а слова “страх” и “опасность” не существовали в моём лексиконе... Репортёрство приучило меня давать только правду, сразу угадывать всю суть и писать кратко»¹⁴.

«Милый дядя Гиляй... Молодец, дядя!» – с восторгом писал о нём Антон Павлович Чехов.

¹⁴ Гиляровский В. А. Мои скитания. С. 343.

Алексей Толстой
(1883–1945)

Кто отрезал хвост обезьяне?

Вы знаете, сколько русских людей живёт сегодня за пределами России? Точно не сможет сказать никто, но счёт идёт на многие миллионы.

Немало русских людей оказалось за границей и сто лет назад. Тогда, после революции, Россию спешно покинуло более двух миллионов человек. Примерно, как современное население Ростова-на-Дону и Волгограда вместе взятое. Это были не только солдаты и офицеры Белой армии, но и вообще все, кто не принял новую власть, а также их жёны и дети. Многие за рубежом бедствовали, и многие хотели вернуться домой, на родину. Но они не были уверены, ждёт ли их кто-нибудь там? И что вообще происходит в этой загадочной Советской России, стране большевиков?

С 1918 года и до 1922 года русский народ буквально раскололся на «красных» и «белых». Первые оставались в России, вторые большей частью бежали. Между ними пролегла глубокая пропасть. И только одна русская газета, издававшаяся в Берлине, пыталась помирить между собой русских людей внутри России и вне её. Задача непростая. Особенно если учесть страшную ненависть между «красными» и «белыми», ещё горячие стволы пулемётов и ещё не засохшую кровь на штыках у тех и других.

Алексей Николаевич Толстой, автор сказки про Буратино, был как раз одним из тех журналистов, кто в газете «На-

кануне» агитировал читателей-эмигрантов¹⁵ за возвращение в Россию. Даже само название газеты было говорящим – для многих эмигрантов слово «накануне» означало одно: накануне возвращения.

Берлинская газета «Накануне» в лице Алексея Толстого стала оазисом свободы творчества. На её страницах давали слово тем, кого не печатали ни «белые», ни «красные»: это и молодой Михаил Булгаков, и Михаил Пришвин, и Михаил Зощенко, и Валентин Катаев, и Александр Грин, и Иван Соколов-Микитов. Цвет нации – совсем неплохая компания! Этим, и многим – многим другим авторам по обе стороны границы газета давала кусок хлеба и помогла элементарно выжить в голодные годы. Но самое главное: Алексей Толстой готовил возвращение лучших людей на родину (кстати, он делал это не по заданию большевиков из Москвы, а по собственной воле). Ну и про себя самого не забыл – Алексей Николаевич вернулся из Берлина в «красную» Москву в 1923 году триумфатором, уже знаменитым писателем, драматургом, журналистом. Его девиз был прост: «Пускай наша крыша убогая, но под ней мы живы»¹⁶.

Большой труженик, «ювелир» русского слова, большой журналист и великий писатель, болтун и хохотун Алексей Толстой – фигура крупная. Во всех смыслах этого слова. Да-

¹⁵ Если кто не знает: эмигрант – это человек, надолго или даже навсегда покинувший свою родину.

¹⁶ Варламов А. Алексей Толстой. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 252.

же физически он был большой, крупный мужчина, даром что граф. Графский титул его, правда, оспаривался, и многие утверждали, что он только внебрачный сын графа, следовательно – на самом деле много о себе воображавший простодушин. Но достаточно посмотреть на его крупную, львиную голову, горделивую осанку, снисходительную усмешку, небрежный и вальяжный взгляд с прищуром – и сомнений не остаётся: перед вами настоящий граф. Он и писал свои книги и статьи «по-графски», свободно и независимо от всех.

В молодости он с трудом пробивался в литературе и журналистике. Известен такой забавный случай. На одном из литературных вечеров в Петербурге должен был состояться маскарад. Для него Алексей Толстой одолжил у знакомого писателя настоящую обезьянью шкуру с хвостом. В процессе маскарада хвост был оторван и утерян. В злостном хищении хвоста почему-то был обвинён Толстой. Дальше произошла целая история с обидами, оскорблениями, судом, чуть ли не с вызовом нашего героя на дуэль. Вопрос «Кто отрезал хвост обезьяне?» так и остался открытым по сей день. Но известно, что Толстой вынужден был уехать из Петербурга. Дворянская среда не сразу приняла его в свои ряды.

Потом разразилась Первая мировая война, страшная и бессмысленная. Многие журналисты того времени проигнорировали сие событие. Но Алексей Толстой был не таков: в качестве военного корреспондента газеты «Русские ведомости» он отправился в действующую армию. Тема газетных

публикаций – повседневная жизнь солдата на войне. Без героизма, без пафоса, но с уважением к простому русскому человеку. Потом отдельные статьи отлились в большой роман «Хождение по мукам».

Затем была революция. Быстрое бегство за границу. Зачем бежал? Не столько от страха, трусом он не был, сколько от желания сохранить «дворянский» стиль жизни. И не только себе, но и своей многочисленной семье. В эмиграции написал «Детство Никиты» – подлинный брильянт русской литературы, радостное и светлое озарение гения. Тема – будни и праздники дворянского мальчика, безоблачное российское детство.

А. Толстой

Почему граф Алексей Толстой в итоге принял советскую власть? Ведь не все приняли. К примеру, его коллега, тоже дворянин и Нобелевский лауреат Иван Бунин не принял. Да и сам Толстой решился не сразу. В одном письме он откровенничал: «Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед. В эти годы погибли два моих родных брата – один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядей, восемь человек моих родных умерло от голода и болезней. Я сам с

семьёй страдал ужасно»¹⁷. Но тогда почему же он вернулся?

Ответ можно найти там же: «В существующем ныне большевистском правительстве газета “Накануне” видит ту реальную... власть, которая одна сейчас защищает русские границы от покушения на них соседей, поддерживает единство русского государства и... одна выступает в защиту России от возможного порабощения и разграбления её иными странами»¹⁸. А вот это для Толстого было важно.

Он был воспитан глубоко русским человеком, хозяином земли, и не мог стерпеть, как нашу несчастную страну раздирали на части англичане на севере, немцы на юге, американцы и японцы на востоке. Таким он оставался до конца.

Во время Великой Отечественной войны журналист Алексей Толстой был уже не молод и далеко не здоров, но писал много. Через пять дней после начала войны в «Правде» вышла его статья «Что мы защищаем». Это было важно в те первые дни. Не все читатели поддерживали власть большевиков, были и такие, кто имел к ней претензии. Не все понимали, что началась тотальная война на уничтожение, что само существование нашего народа поставлено под вопрос. Таких колеблющихся людей нужно было убеждать. Надо ли воевать, зачем и за что воевать – об этом журналист Толстой поведал по-журналистски хлётко, коротко и ярко.

Потом он написал ещё много газетных статей, много рас-

¹⁷ Варламов А. Алексей Толстой. С. 256.

¹⁸ Варламов А. Алексей Толстой. С. 256.

сказов о воюющем народе. Классикой русской литературы стал рассказ Алексея Толстого «Русский характер» о том, как фронтовые дороги случайно привели танкиста с обезображенным от ожогов лицом в родной дом, и как мать без слов узнала в изуродованном солдате своего сына.

Алексей Николаевич не дожил всего чуть-чуть до Победы, он умер в день Красной Армии, за которую так болел сердцем, 23 февраля 1945 года.

Борис Всесвятский
(1887–1987)
Вечно юный натуралист

Май 1918 года, Москва

Представьте себе Москву после революции. Малопривлекательное зрелище. Грязь. Разруха. Работы нет. Хлеба тоже нет, потому что Украина – самая «хлебная» область страны – захвачена германской армией. Пройдёт всего два месяца, и немцы официально пожелают ввести свои войска в Москву, как бы для защиты своего посольства. С севера на столицу наступают англичане, на юге восстали казаки. Начинается эпидемия «испанского гриппа» – это будет похуже современного Ковид-19. Через полгода горожан начнёт «косить» повальная эпидемия смертельно опасного тифа. По Москве бродят хулиганы и воры, которые тащат всё, что плохо лежит. И, конечно, беспризорные дети. Это сироты, у которых отцы погибли на фронте или в плену, а матери умерли от болезней. И вот в таких нечеловеческих условиях рождается идея знаменитого детского журнала «Юный натуралист».

А началось всё с того, что тридцатилетнего школьного учителя Бориса Васильевича [Всесвятского](#) вызвали в Сокольнический районный совет. Председатель Совета предложил ему создать особую школу – «биологическую станцию» – прямо в лесу. Всем известно, что дети любят птиц, рыб, растения, и эту любовь хорошо бы использовать в воспитательных целях. А поскольку Всесвятский был и биологом, и педагогом, то возглавить школу предложили именно

ему.

Сказано – сделано. Под школу выделили в Сокольниках так называемую «Голубую дачу» – загородный дом одного из купцов, уехавших за границу. Развесили вокруг объявления, на которые сразу откликнулись ребята из семей соседнего завода «Красный богатырь». Закупили оборудование, в том числе настоящие цейсовские микроскопы. И вот, 15 июня 1918 года, первые дети подошли к воротам дома, к которому была прибита вывеска «Станция юных любителей природы»¹⁹. После знакомства и беседы всех ребят разделили по интересам на «птичников» (орнитологов), «насекомников» (энтомологов), кролиководов, пчеловодов, ботаников. Сразу закипела работа.

На «биологической станции» не было никакого диктата взрослых, наоборот – поощрялась любая инициатива детей. Борис Васильевич Всесвятский помогал всем словом и делом, проводил биологические экскурсии по Сокольнической роще, по лесам Лосинового острова. Девизом станции стала фраза «Ближе к природе и жизни!» Самостоятельные природные наблюдения и опыты, физический труд на свежем воздухе, чтение специальной литературы – вот чем занимались воспитанники Всесвятского. Число их прибывало с каждым днём. Подростков стали называть «юннатами» – то есть юными натуралистами. Юннаты своими руками сделали питомник с песцами, лисами и куницами в клетках, экс-

¹⁹ Верёвкин Б. Первый директор // Юный натуралист. 1987. № 6. С. 12–13.

периментировали в «мичуринском» саду и на опытном лесном участке. На биостанции была заложена традиция проведения Дня леса, когда ребята сажали деревья. А весной стали проводить День птиц, в который они развешивали в лесу скворечники и дуплянки.

Со временем при станции открылось детское общежитие, чтобы юннаты могли проводить на станции всё тёплое время года безвыездно.

Слухи об увлечённых детях-биологах распространялись быстро, и вот одна за другой стали создаваться похожие станции – в Малаховке, в Орехово-Зуеве, в Реутове, в Ленинграде. Юннатское движение быстро охватило всю страну. В 1924 году в республике насчитывалось уже 259 кружков юннатов в Москве, Омске, Архангельске, Одессе и других городах.

А на самой первой станции – в Сокольниках – Борис Васильевич Всесвятский издавал печатную научную газету под названием «Листок биостанции». К 1928 году научных материалов об опытах детей-биологов накопилось так много, что они уже не умещались на одном листке, и так появился на свет всесоюзный детский журнал «Юный натуралист». Борис Васильевич стал его основателем и первым главным редактором.

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ

80

Большой всесоюзный журнал не мог ограничиться стенами биостанции, поэтому и список тем сразу расширился, и авторов стали привлекать со стороны. Так, в журнале публиковали свои статьи даже знаменитые писатели Михаил Пришвин, Владимир Арсеньев, Константин Паустовский, Виталий Бианки, Вера Чаплина, Виктор Астафьев, Владимир Солоухин, а также прославленные учёные Иван Мичурин и Климент Тимирязев. Не говоря уже о большом числе малоизвестных, но вполне профессиональных авторов-биологов.

«Юный натуралист» о чём только не писал: и о разведении на балконе диких снегирей, и о подземных лабиринтах кротов, и о конном заводе «Восход», где выращивали лошадей-призёров, и о малоизвестных народных пословицах, связанных с природой. В одном из номеров за 1938 год можно найти статью, как удить разные породы рыб, какими снастями, в каких местах и в какое время: «Для летнего лова рыбы надо иметь проволочную, нахлыстовую, поплавочную и донную удочки. Удилище должно быть длинное, с очень тонким концом. Его можно сделать самому из орешника или бамбука. Лучшая леска – волосяная, она не запутывается, не размокает. На каждую рыбу надо иметь отдельный поводок и крючок»²⁰. И дальше шли рисунки крючков всех номеров от 1 до 17 и изображения рыб – пескаря, ерша, линя, головля и

²⁰ Трошин И. Как ловить рыбу // Юный натуралист. 1938. № 6. С. 16.

других, с подробной инструкцией к каждой.

В 1956 году темы журнала уже стали другими: например, подробно, с чертежами и рисунками, объяснялась технология строительства теплицы для выращивания цветов и овощей зимой, причём теплиц с печным отоплением!²¹ Статья предусматривала, что все работы дети будут производить сами, без помощи взрослых.

В 1968 году журнал информировал юных читателей о жизни бурундуков в саянской тайге²², а также печатал отрывки из книги известного английского зоолога Джеральда Даррелла «Гончие Бафута».

А что же Борис Всесвятский? Он постепенно отошёл от руководства биостанцией и журналом, переключился на написание школьных пособий. Его учебник по ботанике для 5–6 классов средней школы был самым популярным в СССР, он выдержал 20 (!!!) переизданий. Долгие годы Всесвятский возглавлял биологический факультет Московского педагогического института, готовил будущих учителей биологии. Его книги по методике преподавания до сих пор представляют большую ценность для учителей. Последняя книга «Системный подход к биологическому образованию в средней школе» вышла в 1985 году.

Но журнальное дело, начатое Борисом Васильевичем

²¹ Новоселов А. Постройте теплицу сами // Юный натуралист. 1956. № 6. С. 13–14.

²² Штильмарк Ф. Бурундук // Юный натуралист. 1968. № 5. С. 11.

в Сокольниках, тоже продолжало развиваться.

Журнал «Юный натуралист» печатался гигантскими тиражами – в отдельные годы он доходил до 4 миллионов экземпляров – и наряду с журналом «Юный техник» считался самым популярным среди детей, его знали все советские школьники.

К 1968 году армия юных натуралистов насчитывала уже свыше трёх миллионов детей и подростков. Только вдумайтесь: целая армия детей, вместо употребления наркотиков и спиртных напитков, вместо мелкого хулиганства и курения в подъездах занималась наблюдениями за флорой и фауной, охраной природы, разведением растений, животных и птиц!

А как вы думаете, сколько юннатов стало впоследствии браконьерами? Какое число отметилось жестоким обращением с животными? Сколько во взрослом возрасте бездумно разводило костры в лесу? Или бросало мусор где попало? Думаю, что из трёх миллионов ни одного не найдётся. Кто был юннатом, тот сохранил в своём сердце бережное отношение к природе навсегда.

А Борис Васильевич Всесвятский прожил очень счастливую, очень активную и, кстати, очень долгую жизнь – он всего несколько месяцев не дожил до своего столетнего юбилея.

Евгений Петров
(1902–1942)

«Я уже привык верить в чудеса...»

1935 год, Нью-Йорк

Шумная, многоязычная толпа туристов сошла с гигантского парохода «Нормандия» в порту Нью-Йорка, но в этой толпе можно было заметить двух советских журналистов – их звали Евгений Петров и Илья Ильф. Запомните имена, они будут вам ещё встречаться и, как правило, вместе. Эти два корреспондента газеты «Правда» были направлены из Москвы в Америку с редакционным заданием – изучить страну и рассказать о ней читателям. Надо сказать, что в то время советские люди не часто выезжали за границу, и тем более за океан, так что путешествие в США по остроте ощущений можно было сравнить разве что с полётом на Юпитер.

Два наших героя (они были ещё и талантливыми писателями, но об этом позже) объехали всю огромную американскую территорию на автомобиле, пообщались и подружились с огромным количеством людей разных профессий, увидели массу крупных и мелких городов, фабрик и заводов, прочесали все ландшафты: горы, прерии, леса этого континента – и потом перенесли свои впечатления и мысли на бумагу. Получилась замечательная книжка под названием «Одноэтажная Америка». Несмотря на то, что ей уже почти сто лет, она и сегодня читается, как говорится, на одном дыхании – написана с лёгкой иронией, но без издёвки, и сразу чувствуется, что её авторы люди мыслящие и к тому же очень наблюдательные.

Таким они увидели город Чикаго:

«Едва ли где-нибудь на свете рай и ад переплелись так тесно, как в Чикаго. ...По улицам мечутся газетчики с криком:

– Убийство полицейского!

– Налёт на банк!

– Сыщик Томас убил на месте гангстера Джеймса по прозвищу Малютка!

– Гангстер Филиппс по прозвищу Ангелочек убил на месте сыщика Паттерсона!»²³

А вот, что они пишут о жертвах Голливуда:

«Можно быть милым и умным мальчиком, прекрасно учиться в школе, отлично пройти курс университетских наук – и после нескольких лет исправного посещения кинематографа (так называли кинотеатры. – Д. С.) превратиться в идиота»²⁴.

Вот они буквально передают слова белого человека, который много лет прожил среди индейцев:

«Я не знаю более честных, благородных и чистых людей,

²³ Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка. М.: АСТ, 2018. С. 170.

²⁴ Там же. С. 365.

чем индейцы. Они научили меня любить солнце, луну, пустыню, научили понимать природу»²⁵.

Наши герои увидели Америку великой страной, несмотря на привязанность к своей родной Советской России, которую нельзя не заметить на страницах книги. Журналисты описали континент ярко, сочно, и в то же время серьёзно и глубоко. Самые трогательные строки в книге посвящены мистеру Адамсу и его жене – эта американская супружеская пара сопровождала Евгения Петрова и Илью Ильфа в качестве гидов и переводчиков.

Знакомство с Америкой имело благородную цель – найти общий язык с американским народом, который так далёк от нас. Причём далёк не только в смысле географии, но и по своим ценностям, идеалам. И в этом смысле журналисты могут сделать много, иногда даже больше, чем дипломаты. Советская Россия и Америка действительно стали в каком-то смысле ближе после издания книги.

Но вернёмся к Евгению Петрову и Илье Ильфу. Их не случайно направили в Америку, они были профессионалами высокого класса. Почти за десять лет до поездки в США они сочинили вместе свой главный шедевр – роман «Двенадцать стульев». Обязательно прочтите его или посмотрите фильм режиссёра Леонида Гайдая под таким же названием. Роман «Двенадцать стульев» – редчайший случай совмест-

²⁵ Там же. С. 280.

ного творчества двух людей. Оба автора писали в одном стиле, так что понять, какая строка кем из них написана, практически невозможно. Фантастически смешная история о мошеннике Остапе Бендере и его подручном Кисе Воробьянинове, занятых поисками бриллиантов в стульях, давно уже выучена многими наизусть и разобрана на пословицы и поговорки: «Утром деньги – вечером стулья», «Получите от мёртвого осла уши», «Почём опиум для народа?», «Не хлопайте себя ушами по щекам», «С деньгами нужно расставаться легко, без стонов», «Лёд тронулся, господа присяжные» и т. д.

И этот роман у них не единственный, есть ещё «Золотой телёнок», по которому тоже снят фильм.

Два неразлучных друга – Ильф и Петров – сочиняли почти все свои восхитительные тексты вместе. Интересно, что при этом они всегда говорили друг другу не «ты», а «вы»...

Илья Ильф ушёл из жизни первым. Во время поездки по Америке он тяжело заболел туберкулёзом и вскоре умер. Врачи не смогли его спасти.

Такова жизнь. Евгений Петров продолжил один тянуть свою журналистскую и литературную «ляжку».

А потом началась Великая Отечественная война. Евгений Петров, как и все журналисты, был призван в армию, на фронт и воевал с врагом – не столько винтовкой, сколько своим острым пером. И ещё неизвестно, какое оружие было опаснее для фашистов в руках виртуоза слова.

Константин Симонов вспоминал, как в одной из командировок Евгений Петров убеждал военных фотокорреспондентов, что надо снимать не одни лишь танки и самолёты, а людей, их быт, общение, улыбки и слёзы.

– Нет, вы мне скажите, – горячился Петров, почему вы на войне снимаете только войну и не желаете снимать жизнь? Почему? Ведь люди не только воюют, они живут²⁶.

На фронте он был внимателен к людям. Как вспоминал К. Симонов, однажды молодой моторист подводной лодки, только что вернувшейся на базу с очень опасного задания, потащил Евгения Петровича в свой отсек. Молодой матрос хотел показать ему все до одной вмятины от глубинных бомб. Евгений Петрович добросовестно полез и довольно долго ощупывал своими руками все вмятины. Его торопили коллеги-журналисты, но он только сердито отмахивался:

– Подождите, я ещё не всё посмотрел.

Когда Петров, наконец, вылез из подлодки на воздух, он заявил:

– Как вы не понимаете? Этому парню так хотелось непременно показать мне все свои вмятины. Я понял, что они пережили за эти кошмарные сутки. Как я мог его торопить?²⁷

Подобная чуткость к людям была для него обычной.

Евгений Петров обожал профессионалов на войне – аккуратных, точных, отвечающих за свои слова людей.

²⁶ Симонов К. Разные дни войны. М.: Молодая гвардия, 1977. Т. 2. С. 131.

²⁷ Симонов К. Разные дни войны. Т. 2. С. 133.

Однажды он с коллегой-журналистом находился на наблюдательном пункте артиллерийского полка вместе с командиром этого полка. Немцы засекли их и открыли огонь. Снаряды ложились, то впереди, то позади их, всё ближе и ближе. Командир полка посоветовал журналистам спуститься вниз. Он собрался расправиться с немецкой батареей, но не хотел рисковать жизнями корреспондентов.

– Для чего же мы шли сюда? – возразил Петров. – Мы же для этого и шли.

Константин Симонов вспоминает:

«В глазах его то же самое выражение азарта, что и у командира полка. Петров чувствует себя в эту минуту артиллеристом. Он присутствует при артиллерийской дуэли, и ему так интересно, что он не может уйти отсюда»²⁸.

Он писал для журнала «Огонёк» и для газеты «Красная звезда» самые разные военные материалы. Один из них, написанный в Заполярье, где шла борьба наших войск с австрийскими горными егерями, назывался «Олени в штанах» – это о советских оленьих лыжных бригадах.

Незадолго до командировки в Севастополь Евгений Петров попросил у своего коллеги плащ. Примерив его, он улыбнулся и сказал:

– Если вы гарантируете неприкосновенность мне, я гарантирую неприкосновенность вашему плащу. Или не ждите ни-

²⁸ Там же. С. 134.

кого, или ждите нас обоих²⁹.

Увы, плащ оказался несчастливым.

Последняя журналистская работа Петрова называлась «Прорыв блокады» – об эвакуации из Севастополя женщин, детей и раненых на корабле «Ташкент». В море корабль яростно бомбила немецкая авиация. Евгений Петров поил раненых на борту из своей кружки. Звёзды сложились так, что корабль всё же причалил к родному берегу.

«Я уже привык верить в чудеса...» – оптимистично записал в блокноте Евгений Петрович Петров.

Очерк был почти написан и готов для сдачи в редакцию газеты, оставалось только отредактировать. Именно этим Петров хотел заняться на борту самолёта, который взял курс на столицу. Но до Москвы самолёт не долетел. Он шёл над степью в Ростовской области на предельно низкой высоте и по вине пилота врезался в холм. От самолёта осталась груда дымящихся обломков. Каким-то чудом несколькими пассажирам повезло, но не Евгению Петрову. Он скончался на месте от потери крови.

Сегодня все события той страшной и великой эпохи воспринимаются уже как очень далёкое прошлое, которое с каждым днём становится от нас всё дальше. Но есть что-то, что всегда останется с нами – это бессмертные книги, очерки и статьи Евгения Петрова, наполненные иронией и любовью к жизни.

²⁹ Там же.

Николай Озеров
(1922–1997)
Чемпион в эфире

1935 год, Москва, первенство города по теннису

На теннисном корте Стадиона Юных пионеров море зрителей, больших и маленьких. Все с нетерпением глядят на корт. Ветер раздувает красные флаги, из репродукторов гремит музыка. Настроение у людей бодрое, праздничное, ведь все любят спорт, Страна Советов вообще – спортивная страна. Вот на корте появляется юный теннисист, двенадцатилетний Коля Озеров, невысокий и полненький. Он никогда ещё не участвовал в соревнованиях, но уверен в себе, глаза горят, машет всем рукой. Пришёл один, без родителей. Против него будет играть мальчик с полотенцем на шее, его сопровождают бабушка, дедушка и родители. Начинается игра. Несмотря на столь внушительных болельщиков, мальчик с полотенцем и бабушкой повержен Колей с разгромным счётом 6 : 0, 6 : 3. Коля играет умело и с азартом. Потом ещё одна победа Николая. Через день – снова победа, уже в полуфинале.

И вот – финал! К сетке выходит юная звезда тенниса тех лет, Семён Белиц-Гейман, будущий мастер-спорта, будущий заслуженный тренер СССР. Белиц-Гейман был выше ростом, обладал мощной подачей, на которую очень надеялся. Разминаясь, он так и сказал, показывая ракеткой на соперника Колю: «Если пойдет подача, от него ничего не останется». Но Коля Озеров пошустрее, подвижнее, да и играет с большим жаром. И победа опять далась в руки нашему герою! Он – чемпион Москвы!

После такого мощного старта парнишку охотно приняли в спортивное общество «Локомотив». Не всё и не всегда проходило гладко, однажды его в буквальном смысле забросали камнями на корте. Просто он играл на «чужом» поле, а публика болела за «своего». Но это был редкий случай, вообще в теннисе такое не принято.

В 1936 и 1937 года Николай был снова признан лучшим теннисистом среди мальчиков в Москве. В те году в Москву приезжал известный французский теннисист Анри Коше. В течение двух сезонов в столице работала теннисная школа Коше, в которой мастер учил ребят, что в теннис играют не только руками, но и головой. «Теннис – это как шахматы, – приговаривал месье Коше. – Противника нужно перехитрить, заманить, обмануть, заставить играть в невыгодных условиях». Про Колю Озерова знаменитый француз сказал так: «Из этого толстяка выйдет толк»³⁰. И как в воду глядел.

С годами Коля превратился в Николая Николаевича Озерова, 45-кратного (!!!) чемпиона страны по теннису, заслуженного мастера спорта СССР. Но одних атлетических успехов ему было мало, и он стал ещё вдобавок и артистом МХАТ – Московского художественного академического театра. Получалось так, что дни напролёт он проводил на теннисном корте, а вечером мчался в театр, в гримёрку, переодевался, выскакивал на сцену, едва переведя дыхание, – и вот он уже не Озеров, а Фабиан в «Двенадцатой ночи» Шекс-

³⁰ Озеров Н. Вся жизнь за синей птицей. Гл. 2. М.: Наука, 1995.

пира...

Почему театр? Это отдельная история. В семье Озеровых вообще все тянулось к искусству. Отец – известный в СССР тенор, в течение тридцати лет солист Большого театра; кстати, во время исполнения арии Садко однажды чуть не погиб – на него сверху упала огромная концертная люстра. Он был буквально в шаге от гибели, но не растерялся и продолжил петь. Мать тоже выступала в театре, потом бросила, чтобы посвятить себя воспитанию детей. Старший сын Юрий прекрасно рисовал, а после Великой Отечественной войны, вернувшись с фронта, стал известным на весь Советский Союз кинорежиссёром – это он снял многосерийный кинофильм о войне «Освобождение». Вот и младший сын Николай поддался «одурманивающим» чарам искусства.

Однако пришло время выбирать, и Николай Озеров между теннисом и театром выбрал карьеру... спортивного журналиста! Ему удалось создать новый для СССР жанр журналистики – телевизионный спортивный репортаж для массовой аудитории.

Страстный, артистичный, взволнованный голос, плюс к тому абсолютное владение темой (ещё бы – сам спортсмен экстра-класса), кроме того, искренний патриотизм, вдобавок чувство юмора – вот таким запомнился Николай Озеров.

Он в одиночку провёл блестящие репортажи с 17 летних и зимних Олимпиад, 9 чемпионатов мира по футболу, 30 мировых хоккейных первенств и других крупнейших соревно-

ваний по различным видам спорта из 49 стран мира!

Озерову принадлежит крылатая фраза («мем», как сейчас говорят): «Такой хоккей нам не нужен!» Произнес её комментатор во время решающего матча между сборной СССР и канадскими хоккеистами в 1972 году, когда наши заокеанские гости, проигрывая со счетом 3 : 5, применили свой традиционный приём – если игра не идёт, надо переломить ситуацию при помощи драки. А канадцам только такой хоккей и был нужен – они сумели забросить три шайбы подряд и победили в матче.

Драки долго оставались обычным для хоккея элементом игры, особенно когда дело касалось американских спортсменов. Но советское телевидение почему-то боялось «травмировать» психику зрителей, и поэтому, когда на льду начиналось очередное «ледовое» побоище, трансляцию прерывали. В это время на экран выводили заранее записанную картинку с болельщиками на трибунах. Озеров же в такие минуты извинялся за «технические неполадки за пределами СССР», начинал рассказ на отвлеченные темы – не менее интересный, чем повествование о самой игре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.